

Российская академия наук
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

**III Международная конференция
«Культура русской речи»**

**«Русский язык
в культурно-историческом
измерении»**

Посвящается 200-летию Я. К. Грота

*Тезисы докладов
23–25 ноября 2012 г.*

МОСКВА

2012

Русский язык в культурно-историческом измерении.
Посвящается 200-летию Я. К. Грота.
Тезисы докладов III Международной конференции
«Культура русской речи». —
М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
2012. — 240 с.

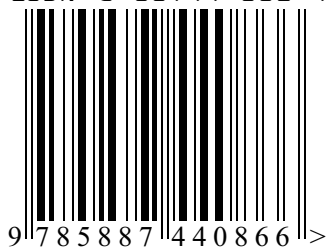
Сборник содержит материалы III Международной конференции «Культура русской речи» («Русский язык в культурно-историческом измерении»), посвященной 200-летию академика Я. К. Грота. Организаторы конференции — Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Президиум РАН, время проведения — 23–25 ноября 2012 г.

В докладах участников конференции рассматриваются различные вопросы культуры русской речи, исторического изменения языковых норм и их кодификации. Значительное внимание уделено актуальным проблемам русской орфографии.

Сборник адресован широкому кругу читателей: не только ученым-филологам, преподавателям русского языка, писателям и журналистам, но и всем, кому небезразличны проблемы культуры родной речи.

ISBN 978-5-88744-086-6

ISBN 5-88744-086-4

- © Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2012
- © Коллектив авторов, 2012
- © Оригинал-макет: С. Г. Болотов

знаете, Алла ругалась на “Миллион алых роз”»; можно привести и запись на форуме: «*И я поняла насколько я была не права в том что сердилась и ругалась на свою любимую бабульку*». Первое употребление в Корпусе датируется 1856 годом, последнее — 2011-м, поэтому вряд ли можно говорить о том, что форма *ругаться на кого-что-л.* является устаревшей.

Но статус ее лексикографически не определен. Носителями языка она, поскольку отсутствует в нормативных справочниках, квалифицируется как просторечная, а следовательно, именно так воспринимается при оценке языковой компетенции собеседника, что может приводить к коммуникативным конфликтам.

Так стоит ли *ругаться на госпожу*? Вопрос о закреплении традиционно используемых форм как нормативных остается «неудобным» и открытым.

М. Л. Сергеев

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

**«Грамматика французская и русская» (1730)
и ее место в академической грамматической традиции:
лексический аспект**

Анонимная «Grammaire russe et française. Грамматика французская и русская» 1730 г. (ГФР) — одна из первых напечатанных в России грамматик русского языка. Как большинство других первых грамматик, она была предназначена для иностранцев, изучающих русский. Композиция и содержание ГФР достаточно противоречивы: адекватное отражение языковой нормы в разделе морфологии и включение одного из самых подробных списков аббревиатур под титлами сочетаются с пропуском ряда важных для русского языка грамматических тем, ошибками во французских формах и переводе фраз на русский. Разрешить это противоречие могло бы рассмотрение ГФР в ряду других доломоновских грамматик и словарей. В таком случае, стало бы понятно, какие решения автор заимствовал из традиции, а какие обусловлены его собственным методом и языковой компетенцией.

Важные сведения на этот счет дают недавние исследования (статьи Л. Дюровича, предисловие к «Compendium Grammaticae Russicae» Г. Кейперта и А. Гутерера), показавшие взаимосвязь ГФР с кругом грамматик Академической гимназии (грамматики М. Шванвица (1730), В. Адодурова (1731), М. Гренинга (1750)).

Основное внимание авторов обращено на различные аспекты морфологии (классификацию местоимений и предлогов, названия падежей, формы отдельных падежей в парадигмах, состав глагольной парадигмы). В качестве источников ГФР называются грамматики В. Лудольфа (1696) и М. Смотрицкого (3 изд., 1721) а также грамматические таблицы “*Extranea*”. Л. Дюрович справедливо отмечает, что автор ГФР мог иметь дело с более поздними учебными материалами, составленными на основе названных работ. Такое предположение кажется более чем вероятным: редкие примеры грамматического метаязыка в ГФР показывают, что ее автор плохо ориентировался даже в названиях частей речи (так, предлог он называет “*lettre*”, то есть «буква»), так что едва ли он был знаком с грамматической теорией в изложении М. Смотрицкого.

В нашем докладе мы обратимся к другой существенной составляющей ранней грамматической традиции — к лексике, использованной авторами учебников. Мы сначала сравним лексику ГФР в целом с номенклатурой современных ей словарей, а затем специально обратимся к словам, выбранным автором для парадигм склонения и спряжения, и определим, насколько автор ГФР зависел от традиции в этом отношении. Многообразие лексического материала в учебнике, а также количество инноваций, сравнительно с другими грамматиками, будут говорить, с одной стороны, о степени зависимости автора от предшествующих пособий, а с другой — об уровне его владения русским языком. Последнее существенно, так как авторами доломоновских грамматик были преимущественно иностранцы; так что о национальности автора ГФР трудно что-либо утверждать *a priori*.

Б. Успенский и Е. Бабаева уже делали попытку сопоставить словарную составляющую ГФР с русско-французским словарем А. Кантемира, начатым, вероятно около 1730 г. Какого-нибудь последовательного сходства между ними обнаружено не было; отдельные соответствия, ввиду хронологии, происходят скорее из ГФР.

В свою очередь, мы обратили внимание на соотношение словника ГФР с «Лексикономъ» Ф. Поликарпова (1704) и русским изданием словаря Вейсмана (1731). Возможность использования не-французских словарей в качестве посредника при переводе с русского на французский была недавно показана в цикле статей Ф. Оттенем.

Предварительное рассмотрение показало, что большинство слов, имеющих в словарной части и парадигмах ГФР мы находим также в названных словарях. Но есть и ряд исключений, таких как специфические меры веса и объема (*пудъ, берковецъ, анкорокъ, польанкорка, четыре бочки*), отыменные прилагательные (*капитанскои, солдатскои, генералскои, посолскои*), глаголы, в том числе приставочные (*позабываю, надѣваю, сожалѣю, позволяю*) и отдельные лексемы (*четвертьчаса, корреспондентъ, благодарень*). Таким образом, при выборе лексики автор ГФР не был ограничен номенклатурой популярных изданий.

Другой важный аспект — отбор лексем, используемых автором ГФР в парадигмах. Мы сопоставили лексику парадигм в доломоносовских грамматиках (М. Смотрицкого в редакции Ф. Поликарпова, В. Лудольфа, И. Копиевского (1706), Ф. Максимова (1723), Ф. Поликарпова, Ж. Соје (1724), М. Шванвица, В. Адодурова и М. Гренинга), а также в русско-французской грамматике Шарпантье (1768). При всем разнообразии их номенклатуры, можно выявить ряд изоглосс, объединяющих значительную часть текстов. Такими словами являются: *рука* в I скл., *лицо, имя, учение, древо* во II скл., *заповѣдь, лошадь и мать (мати)* в III скл. существительных (нумерация склонений у авторов варьируется); *божій и святой* в склонении прилагательных; *есмь* и *имѣю (имамъ)* в спряжении глаголов. Примечательно, что из перечисленных существительных в ГФР склоняются только *имя, лошадь* и *лицо*; для I скл. выбрано слово *царица*, которое не дают другие доломоносовские грамматик; *посоль, Василей* и *разсужденіе* для II скл. также эксклюзивны. Склонение прилагательных, как говорилось выше, в ГФР не описано.

Наибольшее удивление вызывает количество глагольных парадигм в ГФР: если в остальных грамматиках их число, как правило, не превышает 5–6 примеров (исключение — грамматик Смотрицкого и Шарпантье, в которых по II парадигм), то в ГФР даны спряжения 30 глаголов (!) (3 из них спрягаются не во всех временах). При этом, автор ГФР не делает ошибок в спряжении, в особенности — не путает настоящее и будущее время, давая примеры как синтетического, так и аналитического футурума.

Сведения о лексическом составе ГФР дополняют наше представление о технике работы ее автора. Несмотря на плохое знание

языковой теории, он, вероятно, хорошо владел русским языком практически. Это позволило ему включить в учебник (как в словарь, так и в грамматические примеры) достаточно разнообразную лексику и уверенно оперировать падежными и временными формами этих слов.

И. Б. Серебряная

Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

Семантика поэтизмов в оценках русской критики 1-й половины XIX века

Я. К. Грот высоко оценивал критическую деятельность как способ познания, утверждая, что даже критика ошибочная лучше отсутствия критики [1: 148]. Это в полной мере относится к литературной критике, которая, являясь важным источником изучения языковых устоев и вкусов, весьма значима как для литературоведов, так и для лингвистов. Оценивая художественные произведения, рецензенты касались не только идейно-содержательной, но и речевой области, поднимая при этом насущные проблемы нормы. Целесообразным кажется вычленение особой области языкознания — лингвистической аксиографии, — исследующей критические суждения о языке.

Для русской критической литературы 1-й половины XIX века была характерна высокая требовательность к лексико-семантической правильности стихотворных произведений. В частности, критики самых разных взглядов и направлений резко негативно относились к смысловой неточности в употреблении поэтизмов, т.е. типичных для стихотворной речи романтически окрашенных, преимущественно архаичных слов символического использования.

К примеру, такие высокочастотные в поэзии устарелые лексемы, как *чело*, *сень*, *лоно*, *куща*, *денница* и т.п., иногда в употреблении стихотворцев теряли семантическую, соответствующую словарной кодификации определённость. Так, слово *чело* «лоб» нередко употреблялось стихотворцами в расширенном значении «голова, лицо»; славянизм *куща* «шалаш» — в значении «листва, корона»; лексема *сень* «тень» — в значении «защита, оплот» и т.п. Критики расценивали как алогизмы выражения типа *влага слезь чела не омрачала*; *благоухающая стнь*; *куща соснь* и т.п.: «Хотя слезы и роса души, но всѣ по прозаическимъ законамъ тяжести падаютъ внизъ и помрачать чела, кажется, не могутъ» [2: 421]; «худо дѣла-